

Страницы истории рабочего движения

Бонапартистский социализм

Борьба против эклектизма и оппортунизма в период действия Исключительного закона против социалистов дала результаты, которые хотя и были плодотворными, но не могли считаться окончательными: речь шла лишь о создании зачатков новой классовой партии, а вовсе не о завершении её строительства. Более того, как мы уже подчёркивали, немецкая социал-демократия с 1848 г. сохраняла мелкобуржуазную демократическую матрицу, а также влияние лассальянской идеологии.

Государственный оппортунизм

В предисловии к русскому изданию «Писем И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге» Ленин так описывает 1880-е годы: *«И с тех пор, особенно после смерти Маркса, Энгельс – можно без преувеличения сказать: неустанно – “перегибает палку”, искривляемую немецкими оппортунистами»*¹.

Эрнст Энгельберг в книге *“Revolutionäre Politik und Rote Feldpost, 1878–1890”* отмечает, что немецкий оппортунизм в эти 1880-е годы принял прежде всего форму государственного социализма, защищаемого, в частности, лассальянскими течениями, поддавшимися бонапартистским соблазнам Бисмарка. Чтобы решить социальный вопрос, порождённый капиталистическим развитием, последний проводил рабочую политику, сочетающую кнут закона против социалистов с пряником социальных реформ и государственного вмешательства. При Бисмарке были приняты три страховых закона: первый в 1883 г. о медицинском страховании; второй в 1884 г. о страховании от несчастных случаев; третий в 1889 году о страховании по старости, установивший пенсионный возраст в 60 лет.

Эти законы вызвали в социал-демократии линии разлома: между 1883 и 1885 гг. в партии среди лассальянцев и поклонников Родбертуса, таких как Карл Фроме, Макс Кайзер и Бруно Гайзер, появились сторонники мнимого бисмарковского социализма. Они, как пишет Жак Дро в своей *“Histoire générale du socialisme”*, *«соединили свою концепцию демократического и этического социализма с признанием программы, улучшающей положение рабочего класса»*.

Фальшивый социализм

И в этом случае «Анти-Дюринг» также показал себя в качестве инструмента теоретической ясности. Энгельс указал в нём историческую тенденцию развития к государственному капитализму, напав на его политическую форму как на фальшивый социализм. Эта битва имела решающее значение именно в Германии, где царил лассальянский миф о государстве, причём в его прусской форме.

В примечании к «Анти-Дюрингу» Энгельс, ссылаясь на законы о социальном страховании, введённые канцлером в попытке разоружить пролетариат мерами «защиты рабочего», пишет: *«[Особого] рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма»*².

И если в примечании Энгельс ссылается именно на бисмарковские социальные реформы, то в основном тексте он рассматривает вопрос с более общей теоретической точки зрения, поясняя, что *«ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил»*³. А затем даёт мастерское определение буржуазного государства: *«А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создаёт себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»*⁴.

Sonderweg и государство всеобщего благосостояния

Дро указывает, что вдохновением для Бисмарка послужила политика государственного вмешательства «католиков-социалистов» и ассоциаций христианского патернализма. Марция Понсо в книге *«Una storia particolare. «Sonderweg» tedesco e identità europea»* уточняет, что хотя интерес к социальным реформам проявляли «христианско-социальные круги обеих религиозных конфессий», но именно католическая церковь, противостоящая протестантскому прусскому государству и становящаяся всё более «буржуазной», первой осознала всю остроту социального вопроса капиталистической эпохи: она разрабатывала его теоретически автономно, сопровождая свои собственные инициативы по оказанию помощи кампанией среди рабочих масс. С конца 1870-х гг. Партия Центра внесла существенный вклад в распространение законов о социальном обеспечении. Протестантизм, со своей стороны, в лучших традициях государственной церкви делегировал задачу обдумывания экономических вопросов государству.

Реформы Бисмарка создали первую в Европе систему социального обеспечения, несмотря на отставание Германии в индустриализации по сравнению с другими европейскими странами. Среди теоретических источников, которые позволили Германии добиться этого первенства, Понсо называет «специфическую интеллектуальную традицию, восходящую к камерализму», и идеи Лоренца фон Штейна, который под влиянием Гегеля и французского утопического социализма желал для Германии «третьего пути» в форме «монархии, которая была бы основана на социальной реформе и возвышалась бы над классовым противостоянием». Понсо пишет: «Связь между камералистской концепцией государства и либеральной идеей правового государства была центральным элементом исторической школы национальной экономики, которая должна была представлять собой «этическую науку», служащую для справедливого распределения богатства и преобразования социального конфликта».

Наряду с этими аспектами доктрины Понсо подчёркивает и другие структурные элементы немецкого *Sonderweg*⁵: «В Германском рейхе капитализм принял своеобразные формы, поскольку здесь именно государство дало импульс и «подтолкнуло» индустриализацию, чтобы наверстать экономическое отставание от западных конкурентов». Эта роль государства, противоречащая либерализму, который был выражением экономического преимущества Великобритании, подразумевала проведение форсированной индустриализации, социальные последствия которой смягчались той же самой государственной властью.

Понсо, следовательно, выдвигает тезис, напоминающий выводы историка Германа Онкена. Среди решающих элементов, приведших к возникновению немецкого *Sonderweg* и связанных с ним политических форм, была «трагическая одновременность всех важнейших проблем современности»: «образование национального государства, конституционный вопрос, превращение в великую державу, обострение социального вопроса вместе с процессом индустриализации». Все эти факторы и обуславливали ту или иную степень «остроты кризиса модернизации».

Прусский бонапартизм

Законы о социальном обеспечении являлись составной частью «прусского бонапартизма», описанного Энгельсом в работе 1872 г. «К жилищному вопросу»: «В действительности и в Германии государство в том виде, в каком оно там существует, есть необходимый продукт того общественного основания, из которого оно выросло. В Пруссии – а Пруссия играет теперь решающую роль – наряду со всё ещё сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитый и с каждым днём всё более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии – равновесием между земельным дворянством и буржуазией – мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом». Такова была особая трёхклассовая диалектика немецкого общественного устройства. Однако в прусской государственной форме, уточняет Энгельс, государственная власть – прерогатива «особой офицерской и чиновничьей касты», бюрократии, автономия которой «придаёт государству видимость самостоятельности по отношению к обществу»⁶.

В «Критике Готской программы» 1875 г. Маркс предлагает проницательный синтез этих черт, определяя прусское государство как *«обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»*⁷.

Эта прусская государственная форма, продолжает Энгельс, есть та особая оболочка, в рамках которой совершается *«переход абсолютной монархии в бонапартистскую»*. Бисмарк исторически воплотил этот процесс, реализовав программу германской буржуазии, которая, с одной стороны, была *«слишком труслива, чтобы энергично защищать свои требования»*, а с другой – сопротивлялась *«всякой уступке, если только эта уступка [давала] в то же время новое оружие в руки угрожающего ей пролетариата»*. Поэтому, предупреждает Энгельс, *«если государственная власть, то есть Бисмарк, пытается организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии, то что же это, как не необходимая и хорошо известная бонапартистская уловка»*⁸.

Буржуазное бонапартистское государство

В заметках к работе Эрика Мольнара *“La politique d’alliances du marxisme”* Арриго Черветто указывает на определение Энгельсом понятия *«прусский бонапартизм»*, обновлённое с учётом дальнейшего капиталистического развития и подчинения прусского государства буржуазии. В предисловии 1874 г. ко второму изданию *“Крестьянской войны в Германии”* *«Энгельс уточняет, что бюрократия играет автономную роль также и по отношению к юнкерам. Так что это была буржуазная форма государства. Потому что она защищала юнкеров и буржуазию от пролетариата, следовательно, защищала капиталистическое развитие»*⁹.

О том, что прусский бонапартизм становился всё более буржуазным, свидетельствуют противоречия, которые возникли между Бисмарком и юнкерами, в той мере, в какой он выступал за ликвидацию феодальных пережитков, преодоление партикуляризма в рамках федеративной формы национального объединения и возвышение рейха до уровня великой державы. Понсо пишет, что юнкеров беспокоила *«его Realpolitik свершившихся фактов, которая больше не основывалась на договорах 1815 года, а произвела революцию в международном порядке Европы и расторгла союз с Габсбургской монархией»*. Они опасались, что *«объединение с Гессеном, Баденом, Вюртембергом»* может *«привести к национал-либеральному большинству в парламенте»*. Ещё одним поводом для конфликта являлась Kulturkampf против партикуляризма Партии Центра. Однако с 1878 г. страх перед восхождением социал-демократии мотивировал Бисмарка и католическую церковь пойти на сближение.

В период рабочей политики Бисмарка, длившийся более четверти века, социал-демократия прошла решающее обучение, проявив себя способной утвердить – посредством *изучения, организации и пропаганды* – историческое преимущество пролетариата, класса, на котором и держалась его власть в частности и весь капиталистический способ производства в целом. Ни подавление законами против социалистов, ни христианская государственная опека не могли изменить объективно революционный характер нашего класса.

Март 2023 г.

¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 15. С. 238.

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 289.

³ - Там же. С. 289–290.

⁴ - Там же. С. 290.

⁵ - Особого пути.

⁶ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 18. С. 254.

⁷ - Там же. Т. 19. С. 28.

⁸ - Там же. Т. 18. С. 255, 256.

⁹ - Cervetto A. *Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e Marxismo*. Milano: Lotta comunista, 2019.